

Панкратов Василий Семенович

С царем в Тобольске

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 001
ББК 72
В19

В19 **Василий Семенович П.**
С царем в Тобольске / Панкратов Василий Семенович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
88 с.

ISBN 978-5-521-27200-6

ISBN 978-5-521-27200-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Василий Семенович Панкратов
в Якутской обл.

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ СЕМЕНОВИЧА ПАНКРАТОВА

На докладе о деле Окладского, в среду 5 марта скончался внезапно, для всех неожиданно, старый шлиссельбуржец, сотрудник «Былого», хорошо известный читателям «Былого», — Василий Семенович Панкратов.

Совсем юношей, 18—19 лет он вступил на революционный путь и оставался непримиримым врагом старого режима до его падения. На могиле В. С. Панкратова один из ораторов в надгробной речи сравнивал его с Петром Алексеевым. Между ними действительно было много общего по их роли в революционном движении. Оба они прежде всего рабочие: Алексеев — ткач от Торнтона, Панкратов — токарь с завода Семянникова. Оба сохранили живые связи с деревней, столь типичные для русского революционного движения. Панкратов происходил из бедной крестьянской семьи и сам своими руками, как и Алексеев, должен был пробивать себе дорогу к свету и к свободе. Оба ушли на каторгу за пропаганду среди рабочих, один на Кару, а потом в Якутскую область, которая и стала его могилой, а другой в Шлиссельбург.

Мы не станем здесь рассказывать эту революционную карьеру Панкратова: он сам ее рассказал в живой и увлекательной форме в своих воспоминаниях, как о первой поре своей жизни, так и о позднейших днях. Пусть читатель пробежит сам эти яркие страницы по истории нашего рабочего движения, вошедшие в «Воспоминания» Панкратова о том — «как приходилось работать среди рабочих в 1880—1884 г.г.», еще так недавно изданные в Москве «Красною Новью».

Революционно-пропагандистская работа Панкратова во времена «Народной Воли» продолжалась целый ряд,

лет, с 1881 по 1884-й, несмотря на его молодость. Он начал ее в Петербурге в период расцвета народовольчества; он был уже сознательным социалистом, когда разразилась катастрофа 1 марта; а оборвалась она его арестом в апреле 1884 года, когда «Народная Воля» уже шла к гибели. За это время мытарства нелегальной жизни бросали Вас. Сем. во все концы России, особенно ее южной части. Киев, Харьков, Севастополь, Одесса, Ростов-на-Дону, опять Киев, не говоря о Петербурге и Москве являлись попеременно и местами его революционной работы. Его постоянными соратниками в этом случае были тоже рабочие Антонов, Петр Леонтьевич и Мартынов, с которыми позже судьба на много лет соединила его в Шлиссельбурге. При аресте Панкратов оказал вооруженное сопротивление, — он дал возможность благодаря этому уйти от полиции своей спутнице, нелегальной Кранцфельд. Сам же ушел на каторгу. Вооруженное сопротивление стоило ему 20-летнего приговора и 14 лет заключения в Шлиссельбурге.

Из Шлиссельбурга Василий Семенович вышел в 1898 году. В Шлиссельбурге он был все время соседом по камере Веры Николаевны Фигнер, о чем она сама рассказывает в своих записках: «Когда часы жизни остановились». Панкратов принадлежал в Шлиссельбурге к группе неисправимых протестантов (в нее входили кроме него Людмила Александровна Волькенштейн, и М. Р. Попов и некоторые другие); непокорный по характеру, страстный ненавистник жандармов, не желавший делать им никаких уступок, — он шел напролом в этой борьбе. Соколов — «Ирод» хорошо оценил его настроение, и с своей стороны принял меры для его усмирения. Об этом позже рассказывал М. Р. Попов в статье, посвященной памяти Волькенштейн, и если бы не некоторые счастливые случайности в этой борьбе, и не уход «Ирода», всей этой группе протестантов едва ли бы пришлось выйти из Шлиссельбурга. Но

Панкратов все-таки вынес, хотя и не без тяжелых душевных ран и не без глубоких потрясений, эти испытания, и после 14 лет, самых тяжелых и страшных в истории Шлиссельбурга, вырвался из объятий этого гайника.

Шлиссельбург ему пришлось сменить на далекий Вилуйск. Здесь догорал когда-то «яркий свет науки опальной»,—Н. Г. Чернышевский. Чернышевский перенес тут свой Шлиссельбург и, казалось, так естественным, что сюда же были направлены русским правительством первые же, или одни из первых, освобожденных шлиссельбуржцев. Ученикам было так естественно пойти по следам учителя.

Далекая якутская ссылка, оторванность от России, тайга, как тюремными стенами отгородившая ссыльных от остального мира, не сломили энергии Панкратова. Больше того: они только обострили его желание вырваться из этих стен, и опять войти в русло непосредственной борьбы. Он осуществил это тут же, в ссылке, не дожидаясь того момента, когда ему придется вырваться отсюда. Будучи в Якутске, Василий Семенович принял самое близкое участие в организации помощи к побегам товарищей из ссылки и вел эту работу до самого конца своей якутской жизни. А когда он, наконец, сам освободился из нее и попал (сентябрь 1905 г.) в Москву, он сразу вошел в самую глубь революционной работы того времени. В декабре 1905 года он принимал участие в московском вооруженном восстании, но и помимо этого и еще до этого, и после, в ряде таких дел, каждое из которых могло снова вернуть его в Шлиссельбург, который в то время доживал, правда, свои последние дни.

Василий Семенович умер еще полным сил и далеко неисчерпанных возможностей к большой не только политической, но и научной и литературной работе. В Сибири ему пришлось за последние годы побывать не только как ссыльному, но и как ученому геологу.

Свою научную работу, как это может быть ни странно, он начал еще в Шлиссельбурге. В этом царстве смерти и разрушения, каким был тогда Шлиссельбург, особенно в момент поступления туда Панкратова, теплились, несмотря ни на что, свои огоньки жизни. И они быстро разгорелись, как только кошмар, созданный царским режимом в Шлиссельбурге, дрогнул и начал рассеиваться. Это случилось именно тогда, когда в камеры заключенных, как во тьму лучи солнца, проникли книги, доселе запрещавшиеся тюремной инструкцией.

Панкратов усердно занялся самообразованием и этот молодой рабочий, попавший в тюрьму 20 — 22 лет, вышел оттуда после 14 лет заключения жаждущим научной работы и хорошо к ней подготовленным. Панкратов начал там изучать геологию и позже (1913 — 1917 г.), как геолог принял участие в ряде научных экспедиций по той самой Сибири, которая рисковала одно время стать для него вторым Шлиссельбургом. Как геолог он посетил с экспедицией на Алдано-Нельканский тракт также и Якутскую область, и тот портрет его, который читатель найдет в этой же книжке, относится как раз к этой поре жизни.

Это превращение революционера, да еще вынесшего Шлиссельбургскую каторгу, в ученого работника, каким это было ярким примером богатых дарований, заложенных в русском рабочем классе! И с какой неудержимой силой эти творческие способности прорывались в нем наружу при каждом удобном случае и несмотря на все преграды. Таким ярким революционным самородком, полным неисчерпанных сил и трагически оборванных возможностей, был упоминавшийся выше Петр Алексеев, ткач от Торнтона. Таким же, но более счастливым по своей судьбе, рабочим самородком оказался и В. С. Панкратов, бывший токарь-металлист с завода Семяникова.

С царем в Tobольске

Из воспоминаний

В начале августа 1917 г. Временное Правительство предложило мне отправиться в г. Tobольск в качестве комиссара по охране бывш. царя Николая II и его семьи. Сначала я отказался, потому что мне не хотелось расставаться с любимым, только что начатым делом по культурно-просветительной части в петроградском гарнизоне. Работа только что начала налаживаться, удалось подобрать добросовестных и опытных соразботников из петроградских педагогов и старых народовольцев. Лекции, собеседования в Финляндском полку по естественной истории, доклады в Литовском и др. производили оздоравливающее действие на солдат. Мне же эта работа доставляла истинное наслаждение и убеждала меня в том, что только такой работой можно поднимать развитие солдат. Повторяю, тяжело было отрываться от такой работы и менять ее на комиссарство в Tobольске. Кроме того, я не был

уверен, что справлюсь с этой последней задачей, так как ни офицеры, ни солдаты отряда абсолютно не были мне знакомы. Я ехал, как говорится, в темный лес.

Через несколько дней мне снова повторили предложение ехать в Tobольск.

— Больше послать некого, — заявил помощник начальника Петроградского военного округа Кузьмин.

— Мое мнение, — прибавил начальник округа: — вы обязаны ехать, это общее мнение...

Бабушка, Брешко-Брешковская, тоже настаивала на моей поездке. — Тебе необходимо ехать, — говорила она: кому же больше. Ты сам много испытал и сумеешь выполнить задачу с достоинством и благородно. Это — обязанность перед всей страной, перед учредительным собранием.

— Еду, как в темный лес: ни отряд, ни офицеры никто меня не знает и я их — тоже.

— У тебя своя голова на плечах, свой разум. Надо только помнить всегда, что ты человек и они люди, — возражала бабушка: — поезжай, и больше ничего. Другого не нашли. Все остановились на тебе.

Через несколько дней мне пришлось беседовать и с А. Ф. Керенским, который тоже смотрел так. Но подробно поговорить с ним не удалось: всякий раз, когда я являлся к нему, его буквально каждую минуту отрывали, то по делам фронта, то с докладами из разных министерств.

Только при этих свиданиях я убедился, что Керенский слишком завален работой, что он не сумел или ему не удалось окружить себя достаточным числом

деловых людей, настоящими работниками. Его отрывали и по весьма несложным делам, которые могли бы решить и сами секретари...

После Московского Совещания, когда я дал свое согласие ехать в Tobольск и явился к Керенскому, чтобы получить все необходимые бумаги и инструкцию, он вдруг задал мне вопрос:

— Вы еще не уехали?

— Как же мне ехать, когда ни бумаг, ни инструкций мне не выдали? — возразил я.

Он удивился, сказав:

— Их вам выдадут. Уезжайте немедленно. Я сделаю сейчас распоряжение. Зайдите к секретарю сейчас же. Обо всем остальном получите сведения от Макарова и поезжайте, пожалуйста, скорей поезжайте.

Временное Правительство, точнее А. Ф. Керенский, торопил меня особенно настойчиво, когда Макаров и Вершинин, сопровождавшие семью бывшего царя в Tobольск, прибыли в Петроград, не дождавшись себе заместителя. К полковнику же Е. С. Кобылинскому, начальнику отряда особого назначения, было двойное отношение: с одной стороны, ему доверяли и полагались на него, с другой — открыто высказывали сомнения под влиянием различных, часто ни на чем не основанных наветов завистников и мелкотщеславных карьеристов-офицеров. Кроме того омский совдеп внушал Временному Правительству некоторые опасения. Торопить-то меня торопили, а о документах забыли. Наконец было вручено мне удостоверение и инструкция, которую я и привожу целиком.

Копия.

«Временное Правительство. Г. Петроград.

21 августа 1917 г.

Инструкция комиссару по охране бывшего царя Николая Александровича Романова, его супруги и его семейства, находящихся в г. Тобольске, Василию Семеновичу Панкратову.

1. Комиссар по охране бывшего царя и прочих членов его семьи является полномочным представителем Временного Правительства во всем том, что относится к его компетенции.

2. Комиссар имеет право устанавливать порядок охраны бывшего царя и его семейства, поскольку это допускается инструкцией, данной по сему предмету Временным Правительством.

3. Комиссар имеет право делать указания лицам, которым вверена охрана бывшего царя и его семейства, по поводу порядка охраны, ставить им на вид отступления от установленного порядка и, в случае серьезного нарушения ими правил охранения, устранять их от исполнения обязанностей по охране, донося о том немедленно Временному Правительству в лице министра председателя.

4. В случае нарушения чинами воинского караула своих обязанностей, комиссар извещает об этом коменданта помещений, занятых бывшей царской семьей, на предмет принятия мер к недопущению в дальнейшем нарушений правил караульной службы. Если комиссар получит сообщение по поводу нарушения чинами воинской гарнизонной службы по караулу гор. Тобольска,